

ДЕМОКРАТИЯ И РЫНОК

Игорь Лавровский

Москва
2010

У Д К 330.101.541

Б Б К 65.23

Л 13

Л 13 Лавровский И.К. Демократия и рынок. – М: Контако, 2010. – 210 с.

Последние два века население планеты и мировая экономика росли экспоненциально. Достигнуты ли пределы роста? Что является двигателем развития мировой экономики? В своей новой книге Игорь Лавровский излагает разработанную им общую теорию экономического развития, охватывающую весь исторический период и даёт прогноз на обозримое будущее. Мы находимся на пороге новой эры, когда материальный рост теряет свой смысл, а прибыль образуется путём почти непрерывной замены производственных мощностей и постоянной утилизации ранее произведённых материальных благ. При этом кардинально изменяется классовая структура общества. Человечеству предстоит выбор между невиданным в истории классовым размежеванием и технокомунизмом – децентрализацией глобального планирования в интересах всего населения планеты.

Издано при участии и поддержке Фонда Ельцина
www.yeltsin.ru

ISBN 978-5-904789-06-0

www.contaco.ru

© ООО Контако, И.К. Лавровский, 2010

Содержание

ИДЕОЛОГИЯ ДЛЯ ВЗРОСЛЫХ – предисловие Л. Скопцова	4
НА БЛОК-ПОСТУ ИСТОРИИ (Вместо предисловия автора)	13
КУДА И ПОЧЕМУ РАСТЁТ ЭКОНОМИКА	20
Стрела времени	
Факторы производства и общественные формации	
Новая политэкономика	
Компоненты экономики и общая теория развития	
Лишение социализма статуса формации	
Реабилитация государства	
Зарытые и выкопанные сокровища	
ХАОС – МОНОПОЛИЯ – ПЛАТФОРМА	57
Время, неопределённость и планирование	
Война и экономическое развитие	
Воины Апокалипсиса и социальное государство	
Великое замыкание цикла воспроизводства	
Утопии и антиутопии	
Конвергенция и дивергенция	
РОССИЯ В МИРОВОМ КРИЗИСЕ	91
Глобализация долларизации	
Российская экономика: эпикриз и диагноз	
Правительство правит, а шарик летит	
Мировая диспозиция	
Грозящая катастрофа	
СВЕТ В КОНЦЕ ТОННЕЛЯ	134
Бравый новый мир	
Мальтус побеждает и Маркса, и Смита	
Россия снова во мгле	
Оптимальная национальная траектория	
Печатный станок как локомотив экономики	
Как планировать экономику без Госплана	
Реальная демократия и реальный рынок	
ПРИЛОЖЕНИЕ	191

ИДЕОЛОГИЯ ДЛЯ ВЗРОСЛЫХ

*«...Иисус же - сказал им: не бывает пророк без чести,
разве только в отечестве своём и в доме своём»*
Новый Завет, Евангелие от Матфея, гл. 13, ст. 57

Двадцать два года назад, осенью 1988 года, в перестроечном – уже даже не потоке, а половодье – писем и рукописей, шедших в «Социалистическую индустрию», мне совершенно случайно попался на глаза материал неизвестного тогда автора, Игоря Лавровского. Материал этот, с редакторской точки зрения сырой и не газетный, то есть, не публицистический, произвёл сильное впечатление тем, что идейно был абсолютно перпендикулярен всему тогдашнему, как сказали бы сегодня, дискурсу. Общественная дискуссия, апофеозом которой всего лишь через год станет транслируемый на всю страну Съезд народных депутатов, ещё только набирала силу. Но смысловые конструкты её были предельно ясны: план или рынок, дефицит или изобилие, тоталитаризм или демократия, консерваторы или либералы, Е.К. Лигачев или А.Н. Яковлев, «Советская Россия» (В. Чикин) или «Московские новости» (Е. Яковлев). Нина Андреева уже напечатала свои «Не могу поступаться принципами». Гавриил Харитонович Попов уже вовсю размахивал жупелом административно-командной экономики.

Неизвестный же автор убедительно показывал, что спорщики ломятся в открытую дверь. Что называемая плановой советская экономика есть лишь частный («вырожденный», по определению автора) случай экономики рыночной. Что на практике союзные Госплан и Госснаб – эти два монструозных символа административно-командной экономики – уже с конца сороковых годов превратились в подобные биржевым торговые площадки, где реальные рыночные агенты – союзные и республиканские промышленные министерства и крупнейшие главки – в огромных масштабах и в ходе ожесточенного торга обмениваются реальными материальными ценностями. Что основная проблема советской экономики – это как раз гигантские размеры её рынка, давно переросшего возможности построенной И. Сталиным управленческой машины. И что бессмысленно и опасно как «ужесточать плановую дисциплину», к чему призывали одни – поскольку в экономической реальности централизованное планирование как тако-

вое уже отсутствовало, так и предоставлять, как настаивали другие, какие-либо экономические свободы социалистическим предприятиям, этим по сути дела производственным единицам подлинных акторов экономики.

Что ещё тогда бросилось в глаза – так это редчайшая для отечественного экономиста способность автора видеть действительность не как бесконечный набор требующих неотложного решения проблем, а как поле возможностей для развития. Нарастающие скрытая инфляция, денежный навес, товарный голод, структурные диспропорции, технологическое отставание от Запада... – и левые, и правые с упоением пугали друг друга этими признаками надвигающейся экономической катастрофы. У Лавровского же те же самые экономические показатели свидетельствовали о гигантском потенциале развития страны. Тогда, в 1988 году, объективные условия для 25-30 лет бурного экономического роста советской экономики были, с его точки зрения, близки к идеальным. (У Компартии Китая и сегодня нет даже половины тех возможностей для развития, что были у КПСС всего лишь четверть века назад.) Огромный внутренний рынок с колоссальным платежеспособным спросом и дефицитом всего и вся – от продуктов питания и книг до метров жилой площади и автомобилей. поголовно грамотное население (почти 290 млн. человек!) и немисливо низкие заработные платы. Изобилие территории и природных ресурсов. Достаточно развитая по тому времени инфраструктура (исправно, кстати сказать, служащая нам до сих пор). Новенький ракетно-ядерный щит, надёжно укрывающий страну от других империалистических хищников. И, главное, те самые несколько сотен (около восьмисот, по моим тогдашним подсчётам) союзных и республиканских промышленных и агропромышленных министерств, каждое из которых можно было бы легко (что и подтвердил впоследствии опыт РАО Газпром – бывшего Мингазпрома СССР) трансформировать в стандартную корпорацию западного типа.

Именно им, советским протокорпорациям, реально способным и разрабатывать, и планировать, и финансировать, и производить, и сбывать десятки тысяч наименований товаров, оказалось бы по плечу бремя экономической свободы и сопряженные с нею превратности рыночной конъюнктуры. Внутренне они вполне для этого созрели. Оставалось только, даже не меняя первое время форму собственности, монетизировать товарообмен между ними, а правительственный статус и доступ руководства министерств к скудному, по сегодняшним критериям, ас-

сортименту цеховских распределителей заменить на уважаемые чековые книжки и кредитные карты.

Такая реформа, по логике автора, автоматически создавала бы себе социальную базу. Причём реформа вербовала бы себе сторонников не в рядах безответственной столичной интеллигенции, а в полутора-сотмиллионной массе работников реального сектора. В свою очередь, новые советские корпорации, получив свободу планировать производство и распоряжаться продукцией, создали бы квалифицированный платежеспособный спрос на товары и услуги частного сектора. Под прикрытием крупных корпораций, на их заказах только и мог бы частный сектор вырасти здоровым и конкурентоспособным. Правительство же, освободившись от необходимости планировать выпуск колготок и распределение дефицитных холодильников, могло бы сосредоточиться на действительно важных вещах – обороне, финансах, научно-техническом прогрессе, определении приоритетов социального развития общества.

Если же, констатировал автор, продолжать видеть идеал экономики («Россия, которую мы потеряли») в НЭПе двадцатых годов или в России до 1913 года, то в результате мы обнаружим себя не в содружестве, как были уверены, богатейших и развитейших демократий Северной Америки, Западной Европы и Японии, а в довольно непрезентабельной компании латиноамериканских диктатур с их мафиозными кланами, наркобаронами и сменяющимися друг друга хунтами.

Согласитесь, что для 1988 года это были довольно-таки неординарные (и прозорливые, как, к сожалению, оказалось) суждения.

Поэтому я позвонил, и мы встретились с автором, оказавшимся совсем молодым человеком, сотрудником Института энергетических исследований ГКНТ и АН СССР. Результатом этой встречи стали несколько его статей, опубликованных «Социалистической индустрией». Статьи эти, на мой (не совсем, конечно, беспристрастный) взгляд, получились интересными. Нового автора заметили читатели, в том числе, естественно, и в министерских кабинетах.

Но вот повлияли ли идеи И.Лавровского на судьбу теперь, к сожалению, исчезнувшей страны? Нет. Не повлияли. Сам автор как-то высказался, что причина тому – слабость политического центра СССР во главе с либералом М.С. Горбачёвым. Мне же кажется, что главная причина была даже не в силе или слабости политического центра и, соответственно, его способности «продать» те или иные идеи. При том состоянии умов, той идейной сумятице, царившей в советском обществе,

никакие трезвые и спасительные идеи, сколь бы адекватны реальным потребностям – не то что развития, спасения! – страны они не были, восприняты этим обществом (и, соответственно, его политическим руководством) быть уже не могли. Что не исключало того, что эти идеи вполне адекватно воспринимались отдельными людьми.

В частности, И. Лавровским и его соображениями заинтересовался тогдашний министр газовой промышленности СССР В.С. Черномырдин. Виктору Степановичу тогда было всего лишь 50 лет, должность министра газовой промышленности он унаследовал от ушедшего на «старшее» по рангу министерство – нефтяной промышленности – В.А.Динкова. И по логике вещей должен был бы наследовать Динкову и в союзном Миннефтепроме, если бы не перестройка и не ставший членом Политбюро ЦК КПСС Е.К. Лигачёв. Егор Кузьмич, опять же в полном соответствии с логикой вещей, должен был елико возможно расставлять на ключевые в партии и правительстве должности своих людей, и возглавляемый им Секретариат ЦК уверенно вёл на ключевой пост основного поставщика дефицитных нефтедолларов бывшего начальника управления буровых работ Томскнефти пятидесятилетнего Л.И. Филимонова. Обладавший отменной политической интуицией Виктор Степанович не стал ввязываться в карьерные баталии. Воспользовавшись модным перестроечным поветрием, он просто увёл родное министерство – со всеми его газопроводами, компрессорными станциями, скважинами и недвижимостью – из-под правительства СССР в так называемый концерн, оргобразование с неясным статусом и подчинённостью.

Никто из союзных и республиканских министров примеру Черномырдина не последовал: желание у многих было, но пугала правовая и административная неопределённость положения концернов, не было чёткой команды с партийных верхов. Руководителям же бывшего Мингазпрома эта неопределённость была на руку, ибо дала возможность прописать в уставных документах концерна то, что они считали нужным и важным для себя. В том числе и прежде всего сосредоточение всех финансовых ресурсов и административных полномочий в руках Правления концерна, фактически бывшей коллегии министерства. Нижестоящие звенья – газодобывающие и газотранспортные производственные объединения – никаких прав на самостоятельную хозяйственную политику не получали. Корпорация, таким образом, сохранила целостность и управляемость. И хотя последовавший вскоре распад Советского Со-

юза изрядно пощипал концерну перья – добычные предприятия Туркмении и газотранспортные системы Украины и Белоруссии стали собственностью новых суверенных государств – это ни в какое сравнение не идёт с тем разгромом, которому подвергли свои министерства генеральные директора социалистических предприятий, обретшие усилиями М.С. Горбачёва и Н.И. Рыжкова экономическую (полный хозрасчёт) и административную (выборность гендиректоров трудовыми коллективами) независимость от командовавших ими министерств. Крупнейшие в мире промышленные корпорации – Миннефтепром, Министерство минеральных удобрений, Минхимпром, Минцветмет, Минчермет – на рубеже 90-ых годов пали жертвами отнюдь не международной конкуренции, а всего лишь банальной алчности руководителей второго звена. Самую же крупную и конкурентоспособную из когда-либо существовавших в мире корпораций – бывшее союзное Министерство энергетики – А.Б. Чубайс смог окончательно расчленить только через пятнадцать лет после того, как был расчленин Советский Союз.

Газпром же, слава Богу и ставшему в конце 1992 года премьером В.С.Черномырдину, под нож реформ не попал. Не попал не в последнюю очередь потому, что был способен всю первую половину 90-ых годов поставлять российским и практически всем бывшим советским потребителям (за исключением прибалтов, за газ плативших, хотя и далеко не европейские цены) природный газ по сути дела бесплатно. Гарантированные тепло и свет – большинство ТЭЦ тут же перешли с дешевого, но всё же не бесплатного угля на дармовой природный газ – в квартирах дорогих россиян были весомым аргументом для Президента Ельцина сдерживать младореформаторские порывы. Жизнеспособность же самого Газпрома обеспечивалась в этот тяжёлый для страны период бесперебойностью валютной выручки. Не случайно, что газовая отрасль оказалась единственной из российских отраслей, которая в первой половине 90-ых смогла не только сохранить, но и расширить внешние рынки сбыта.

Логично предположить, что последуй в 1989 году примеру хитроумного Черномора руководители хотя бы двух-трёх десятков ведущих промышленных и строительных министерств Союза ССР, судьба страны и её территориальная конфигурация сегодня могли бы быть принципиально иными. Сам же Лавровский оценивает потери России от недоверения его концепции в 8–10 трлн. долларов.

Но то – «...дела давно минувших дней, преданья старины глубокой».

Сейчас же перед Вами новая книга теперь уже не сказать, что молодого, но по-прежнему неординарно и глубоко мыслящего автора. В ней Игорь Лавровский не только представляет свежие результаты своих аналитических изысканий, но и впервые развёрнуто излагает свою теоретическую концепцию, то, что он называет «новой политэкономией». Удерживаясь от соблазна пересказать читателю её содержание, обращаю его внимание всего лишь на одно особо впечатлившее меня следствие её применения к анализу нашей текущей действительности. Тем более что оно прямо относится к самому волнующему российского читателя предмету, а именно – к судьбе России, к нашему с вами будущему.

По Лавровскому, сложившаяся в СССР за сорок послевоенных лет система общественного разделения труда, ориентированная главным образом на внутреннее производство и обмен внутри «социалистического лагеря», к сегодняшнему дню полностью разрушена. На её месте выросла новая система, в которой хозяйственный оборот разомкнут: более 40 процентов его теперь составляет оборот внешнеэкономический. Соответственно ключевая особенность политэкономического устройства этой новой России – зависимость системы власти не от внутреннего производства, а от контроля над внешнеэкономической деятельностью. (Источником богатства правящего класса российского общества, по остроумному замечанию автора, является не производство новой продукции, а перепродажа технических достижений Запада собственному населению с наценкой.) Разрушенная было в начале 90-ых монополия внешней торговли восстановлена, хотя и в новых, квазирыночных, формах: правительство жёстко контролирует отрасли, производящие потенциально экспортоспособную продукцию, и в то же время затрудняет доступ на внутренний рынок новым поставщикам, особенно малым и средним компаниям, будь то западные или отечественные. Де-факто российский рынок поделен между российскими экспортными конгломератами и иностранными транснациональными корпорациями. Россия, констатирует автор, вслед за Китаем стала важной провинцией долларовой империи США, но, в отличие от Китая, её значение в системе *Pax Americana* основано не на производстве, а на торговле энергоресурсами вне страны и торговле западными товарами внутри неё. Это положение устраивает обе стороны, и надежды «шакалящих у западных посольств» российских правозащитников и демократов на политическую заинтересованность Запада в либерализации российской внутренней политики и сниже-

нии политического и экономического монополизма лишены практических оснований.

Однако насколько устойчива такая система? Совершенно неустойчива, убедительно показывает И. Лавровский: сложившаяся в 1990-х – 2000-х годах модель экономики приближается или уже вплотную приблизилась к своим объективным пределам роста. Её ахиллесова пята – железобетонная зависимость прироста ВВП от прироста валютной выручки. Но рост доли внешней торговли в российском ВВП в условиях входящей в длительную фазу стагнации мировой экономики невозможен. Соответственно рост прекратился. Из истории же, напоминает автор, известно, что **социальные катаклизмы происходят не тогда, когда совсем нет роста, а тогда, когда растущая дотолё экономика вдруг останавливается.** Когда эскалация подстёгнутых тучными годами и правительственной пропагандой ожиданий («завтра будет лучше, чем вчера») наталкивается на непреодолимые препятствия их удовлетворения. Именно такая ситуация складывается в России сегодня.

Этот свой вывод И. Лавровский иллюстрирует весьма наглядными примерами из нашей недавней истории. Предыдущие два кризиса советской внешней торговли (падение валютных поступлений от экспорта зерна в 1929-34 и от экспорта углеводородов в 1986-91 годов) повлекли за собой радикальные изменения политической системы. Господствовавшая до того политическая структура не выдержала экономического стресса. В ходе первого кризиса был ликвидирован НЭП, закрепощено крестьянство, а демократический централизм в ВКП(б) замещён диктатурой И.В. Сталина. В ходе второго кризиса попытка установления диктатуры, слава Богу, провалилась, но старый режим попросту исчез вместе со страной.

Структурное развёртывание начальных фаз текущего кризиса, показывает автор, до боли напоминает знакомый советский сценарий. После первого удара кризиса (тогда – в 1929-м и 1986-м годах, сейчас – в сентябре 2008 года) в течение двух лет у правящего класса сохраняются иллюзии разрешимости ситуации внутри существующей системы. Оживляется политическая дискуссия (вам это ничего не напоминает?), делаются попытки отрегулировать ситуацию доступными правительству административными и экономическими мерами. Но с исчерпанием накопленных (и неизбежно краткосрочных) ресурсов правящая элита сталкивается с крупномасштабным, по образному выражению автора,

«экономическим расплавлением»: в 1932–1933-м году это был массовый голод, а в 1989–1990-м – тотальное оголение потребительского рынка. В нашем случае, полагает автор, это будет, вероятнее всего, острый трудовой конфликт, и ждать его следует в начале-середине 2012 года, когда будет окончательно проедена накопленная Л. Кудриным «подушка безопасности».

Памятуя о том, что вход в острую фазу кризиса в обоих предыдущих случаях привёл к смене политического режима (и правящей элиты как класса), и учитывая тот факт, что в конце 1988 года И. Лавровский довольно точно спрогнозировал и фабулу, и сроки распада политической и экономической ткани Союза ССР, я бы очень внимательно отнёсся к его словам. И постарался бы сделать всё возможное, чтобы упредить грозящую социальную катастрофу или хотя бы смягчить её проявления. Причём рекомендация сия относится это не только к читателям из числа этой самой правящей элиты, но и из числа податных сословий: по низам социальные катастрофы бьют сто крат больше.

Должно сказать вместе с тем, что, несмотря на жёсткость анализа и нелюбезность выводов, чтение книги не введёт читателя в уныние. Почему? Потому что И. Лавровский принадлежит к тому редкому типу экономистов, которые видят окружающий мир не как море трудноразрешимых или вообще неразрешимых проблем, но как поле возможностей. Так и наша российская действительность чревата не только угрозами экономической стагнации и социальной катастрофы, она беременна и новыми – подчас, как показывает автор, неожиданными – возможностями развития. Пусть круг этих возможностей существенно уже, чем четверть века назад. Пусть нас, граждан этой великой страны, вдвое меньше, чем четверть века назад. Но они, эти возможности, есть. Они реальны. Над ними нужно – всем вместе – работать. И увидеть их вам поможет эта замечательная, на мой скромный взгляд, книга.

Леонид Скопцов